

В.В. Лыгденова

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: victoria.lygdenova@gmail.com

Межкультурное взаимодействие баргузинских бурят в конце XIX – начале XX века: одежда, архитектура, земледелие

В статье выявляются заимствования и раскрываются особенности межкультурного взаимодействия бурят, русских, эвенков, китайских мигрантов и политических ссыльных на территории Баргузинской долины Республики Бурятия. Представлен этнолокальный анализ культурных категорий на отдельной территории, где несколько народов контактируют на протяжении XVIII – начала XXI в. Выявлены заимствования в традиционной одежде, архитектуре и в земледелии баргузинских бурят. Проанализированы и обобщены методологические исследования по межкультурным коммуникациям зарубежных антропологов и современных исследователей традиционной культуры бурят. Представлена модель культурного диалога, которая была выстроена в течение трех столетий соседствующими этническими группами. Подробно описаны заимствования в одежде бурятами у эвенков, в архитектуре – у русских и в земледелии – у приезжих китайцев.

Ключевые слова: межкультурные взаимодействия, буряты, эвенки, китайцы, русские, традиционная одежда, архитектура, земледелие, народы Сибири, этнология.

V.V. Lygdenova

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: victoria.lygdenova@gmail.com

Intercultural Communications of the Barguzin Buryats in the Late 19th – Early 20th Centuries: Clothes, Architecture, Agriculture

The paper describes borrowings and specificities of intercultural communications between Buryats, Russians, Evenks and Chinese migrants in the Barguzin valley of the Republic of Buryatia. It presents the ethno-local analysis of cultural categories in the particular region where different nations had contacted in the 18th – early 21st centuries: borrowings in traditional clothes, architecture and agriculture of the Barguzin Buryats. Methodological research in the intercultural communications carried out by foreign and Russian scholars of the traditional Buryat culture is analyzed. The author proposes a model of the cultural dialogue that was built during three centuries by neighboring ethnical groups. Borrowings in clothes by Buryats from Evenks, in architecture – from Russians, and in agriculture – from Chinese migrants are described in detail.

Keywords: intercultural communications, Buryats, Evenks, Chinese, Russians, traditional clothes, architecture, agriculture, peoples of Siberia, ethnology.

Баргузинская долина является уникальной территорией для исследования межкультурных взаимодействий, так как уже на протяжении четырех веков здесь проживают и тесно контактируют сразу несколько этносов – русские, буряты и эвенки. В связи с этим представляется актуальным исследование межкультурных коммуника-

ций на примере этнолокальной группы баргузинских бурят. Цель настоящей статьи – выявление особенностей межкультурных коммуникаций эвенков, русских, бурят и китайцев на протяжении XIX – начала XX в. на севере Республики Бурятия посредством анализа традиционной одежды, архитектуры, хозяйства. В работе ис-

пользован большой объем архивных материалов и полевых материалов автора.

Методология исследования межкультурных коммуникаций связана, в первую очередь, с трудами антропологов Э.Б. Тэйлора и Л.Г. Моргана, сторонников теории культурного эволюционизма. Ранние работы по исследованию межкультурных коммуникаций фокусировались на концепции культурной эволюции. В них заложены основные принципы анализа межкультурной коммуникации. В научных работах по этнографии Сибири проводились подобные анализы, но межкультурное сравнение в них не было приоритетным, хотя выделялись отдельные категории этнической культуры (московская, томская и новосибирская этнографические школы). Методология их анализа схожа с западными теориями в том, что в работах рассматриваются категории из разных сфер (время, пространство, космос, природа, жилище и т.д.) и проводится анализ каждой категории применительно к культуре изучаемого народа [Жуковская, 1988, с. 4–7; Львова, Сагалаев, Октябрьская, 1988]. Данная методология была расширена в рамках другого исследования. Одним из первых Н.А. Алексеев проводит последовательный межкультурный анализ основных религиозных категорий в культурах якутов, алтайцев, хакасов [1992]. Необходимо выделить труд О.В. Бураевой по межкультурной коммуникации у бурят, русских и эвенков, в котором проанализированы заимствования в материальной культуре перечисленных народов и разработана периодизация межкультурных контактов [2000]. Однако ввиду охвата автором широких территориальных рамок некоторые детали межкультурных взаимосвязей были упущены, что может быть восполнено при этнолокальном анализе отдельной субэтнической группы бурят. В настоящем исследовании такой группой являются баргузинские буряты, проживающие в Баргузинском и Курумканском р-нах Республики Бурятия.

Наиболее ранние межкультурные контакты в Баргузинской долине связаны с переездом бурят из Предбайкалья в Баргузин в XVII–XVIII вв., где они впервые столкнулись с местными жителями – эвенками. А.С. Шубин указывает на то, что в этот период между ними часто возникали конфликты из-за территории, поэтому они обратились к русским за помощью [2001]. В 1648 г. был построен Баргузинский острог, который стал местом ссылки для политзаключенных. Соседство с русскими и другими ссыльными отразилось на повседневной и духовной жизни исследуемой этнической группы: политические ссылки обучали детей-бурят грамоте и создавали образовательные группы.

При переезде на север Бурятии в XVII–XVIII вв., где климат был более суровым, чем в Предбайкалье, буряты перенимали некоторые детали одежды эвенков. Зимняя обувь представлена меховыми унтами из овечьих касумов, заимствованными у соседей-эвенков. Сходство бурятских и эвенкийских шапки и шубы проявляется в отделке из меха выдры или соболя. В полевой экспедиции была найдена фотография, сделанная, предположительно, в начале – середине XX в., на которой у трех женщин разных возрастов присутствуют пояса на зимних дэгэлах, что не характерно для женской бурятской одежды, но встречается у эвенкийских. Меховая отделка шапок, меховые унты и покроя шубы во многом являлись заимствованиями из эвенкийской традиционной зимней одежды. Возможно, не только потребность в теплой одежде стала причиной изменения костюма, но также то, что баргузинские буряты в стремлении успешно ассимилироваться на новой территории начинали носить одежду, соответствующую местной «моде». Такая тенденция являлась характерной и для мигрантов в Западной Сибири и в центральной части России [Фурсова, 2017, с. 65–66].

Межкультурные взаимодействия баргузинских бурят с русскими происходили в процессе постройки храмов. Они отразились в особенностях архитектуры Баргузинского дацана. Здание храма, построенного в 1880–1883 гг., представляло собой дацан второго поколения, который отличался тем, что в основании его лежал квадрат, а не прямоугольник. Судя по сохранившейся фотографии, традиции православного зодчества отчетливо отразились в его структуре. Во-первых, в дацане есть окна со ставнями и наличниками. Основание дацана – крестообразное, что характерно и для православных церквей. В тибетских и монгольских дацанах окна без ставен и наличников и гораздо меньше по размерам, а порой вообще отсутствуют. Влияние русского зодчества выявляется в таких деталях, как портики с окнами с наличниками и ставнями на каждом этаже, парадная широкая лестница, высокое крыльцо и главный вход под башней (ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Д. 5. Л. 63–68; ГАРБ. Ф. 357Б. Д. 1. Л. 2). Несмотря на то, что бурятские строители старались максимально приблизить буддийские храмы к тибетскому стилю и отойти от традиций, которые были заимствованы у русских строителей, русский стиль был использован в некоторых деталях, которые наряду с элементами тибетского и монгольского стилей сделали уникальными бурятские дацаны [Минерт, 1983].

Другой сферой, к которой традиционно обращаются ученые при анализе межкультурных взаимодействий, является земледелие. Многие иссле-

дователи писали о том, что у русских старожилов буряты заимствовали навыки в земледельчестве. Однако в довоенные годы среди баргузинских бурят земледелие и огородничество были не так распространены, как у бурят, проживавших южнее [Болонев, 1994, с. 18]. Примечательно, что одними из первых, кто научил бурят заниматься посадкой овощных культур, стали китайские мигранты, работавшие в советских колхозах. В трех километрах выше от с. Аргада Курумканского р-на есть небольшое поселение под названием Шанхай, где в начале XX в. поселились китайцы. С 1840-х гг. в связи с тем, что граница с Россией в то время была открыта, многие из них в поисках заработка отправлялись на север, в Сибирь, где находилась частная капиталистическая золотопромышленность. Однако после революции закрылась граница с Китаем, и большая часть китайских мигрантов спустилась вниз, оставшись на поселении в селах Курумканского р-на. Один из информантов сообщил, что до китайцев никто в бурятских селах района не знал о помидорах и огурцах, которые стали выращивать китайцы. Дети китайских мигрантов вспоминают, что до войны в деревне с удивлением смотрели на выращенные их родителями помидоры и огурцы, которые многие буряты видели впервые. Местные жители отказывались есть овощи, которые, по их мнению, являлись экзотикой и непригодной пищей для местных скотоводов: «Лучше отдать эти красные шарики свиньям, чем есть самим» (ПМА)*, [Баторова, 2017, с. 3]. Однако в годы войны, когда китайцы работали в колхозе, выращивая овощи для фронта и для колхоза, многие впервые попробовали картофель, помидоры и огурцы и... начали высаживать эти культуры возле своего дома. Пожилые баргузинцы с благодарностью вспоминают китайцев, которые своими овощами спасли многих от голода в военное время. После войны некоторые китайские мигранты вернулись на родину, немало из них осталось в Бурятии, где их потомки ассимилировались с местными жителями.

Не всегда межкультурные коммуникации происходили легкими и мирными способами. На новом месте буряты долгое время решали вопрос с эвенками о территории, который в результате был урегулирован в суде русской администрацией. Однако помимо конфликтов обнаруживается немало положительных аспектов взаимодействия бурят, эвенков, русских и других соседних

*ПМА – полевые материалы автора. 2018 г. Республика Бурятия, Курумканский р-н, с. Аргада, информант: Бадмаева Юмжир Санжиевна, 1938 г.р.

народов. Скотоводы-буряты обучили русских и эвенков навыкам ухода за скотом. Благодаря заимствованиям в пошиве зимней одежды и обуви у эвенков, у баргузинских бурят возник свой традиционный костюм. Влияние русского населения является ключевым в переходе бурят-кочевников на оседлый образ жизни. Именно благодаря русским строителям появляются образцы бурятской храмовой архитектуры, в частности, немало заимствований из русского зодчества обнаружено в деталях Баргузинского дацана. Положительное влияние на баргузинских бурят оказали приезжие политические ссыльные и мигранты, которые обучали бурятских детей русскому языку и грамоте, организовывали школы, культурно-образовательные мероприятия и кружки. В начале XX в. китайские мигранты помогали баргузинским бурятам избежать голода, благодаря тому, что научили их выращивать огородные культуры. В целом, межкультурные взаимодействия баргузинских бурят со своими соседями в XIX–XX вв. оказали глубокое влияние на формирование особенностей традиционной культуры.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

Список литературы

- Алексеев Н.А.** Традиционные религиозные верования тюркоязычных народов Сибири. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1992. – 242 с.
- Баторова Д.В.** Бурядууд Людофуни ехэ хүндэлдэг байгаа! (В Бурятии Людофуны пользовались большим уважением!) // Нютаг Хэлэн / Диалекты. – 2017. – № 21. – С. 3 (на бурят. яз.).
- Болонев Ф.Ф.** Старообрядцы Забайкалья в XVIII–XX вв. – Новосибирск: Февраль, 1994. – 146 с.
- Бураева О.В.** Хозяйственные и этнокультурные связи русских, бурят и эвенков в XVII – середине XIX века. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. – 208 с.
- Жуковская Н.Л.** Категории и символика традиционной культуры монголов. – М.: Наука, 1988. – 198 с.
- Львова Э.Л., Сагалаев М.С., Октябрьская И.В.** Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири: Пространство и время. Вещный мир. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1988. – 225 с.
- Минерт Л.К.** Памятники архитектуры Бурятии. – Новосибирск: Наука, 1983. – 192 с.
- Фурсова Е.Ф.** Символика традиционной одежды как проявление этнокультурных идентичностей «свои/другие» в Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. – 2017. – Т. 24, № 2. – С. 63–66.
- Шубин А.С.** Эвенки Прибайкалья. – Улан-Удэ: Бэлиг, 2001. – 116 с.

References

Alekseev N.A. Traditsionnye religioznye verovaniya tyurkoyazychnykh narodov Sibiri. Novosibirsk: Nauka, Sibirskoe otdelenie, 1992, 242 p. (in Russ.).

Batorova D.V. In Buryatia Lyudofun were respected. *Nyutag Khelen / Dialekty*, 2017, No. 21, p. 3 (in Buryat.).

Bolonev F.F. Staroobryadtsy Zabaikal'ya v XVIII–XX vv. Novosibirsk: Fevral', 1994, 146 p. (in Russ.).

Buraeva O.V. Khozyaistvennye i etnokul'turnye svyazi russkikh, buryat i evenkov v XVII – seredine XIX veka. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center Publ., 2000, 208 p. (in Russ.).

Fursova E.F. Symbolics of traditional clothes as a sign of intercultural identity. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 2017, vol. 24, No. 2, pp. 63–66 (in Russ.).

L'vova E.L., Sagalaev M.S., Oktyabr'skaya I.V. Traditsionnoe mirovozzrenie tyurkov Yuzhnoi Sibiri: Prostranstvo i vremya. Veshchnyi mir. Novosibirsk: Nauka, Sibirskoe otdelenie, 1988, 225 p. (in Russ.).

Minert L.K. Pamyatniki arkhitektury Buryatii. Novosibirsk: Nauka, 1983, 192 p. (in Russ.).

Shubin A.S. Evenki Pribaikal'ya. Ulan-Ude: Belig, 2001, 116 p. (in Russ.).

Zhukovskaya N.L. Kategorii i simbolika traditsionnoi kul'tury mongolov. Moscow: Nauka, 1988, 198 p. (in Russ.).